

С.Рагимов выступает на митинге. 1950-е годы

ПРОШЕНИЕ О ВОДЕ

РАССКАЗ

(в сокращении)

Вода, протекавшая через ущелье, по песчаным полям, шла по канаве к землям помещика, орошая его сады и огороды.

Изнемогая от жары, дядя Гадим шагал вдоль канавы, чувствуя на себе неприязненный взгляд мираба (распределитель воды) Зульгадара и его помощников – джуваров.

Дядя Гадим с вожделием смотрел на воду; он чувствовал себя виноватым перед своим хлопковым полем, которое оставалось без воды, сохло и горело.

Мираб, с длинными усами и носом, напоминавшим огурец, выпятил толстый живот, откашлялся и, как жирная утка, колыхнувшись всем телом, посмотрел сердито на дядю Гадима.

– Что ты болтаешь? – сказал он. – Прикажешь господскую землю оставить без воды, а воду отдать какому-то Гадиму?

Они стояли лицом к лицу и со злобой смотрели друг на друга. Зульгадар не выдержал ненавидя-

щего взгляда глубоко запавших глаз дяди Гадима и отвёл глаза. Но всё-таки проговорил, пересиливая трусость:

– Слушай, Гадим Азим оглу, поберегись! – Выпуклые глаза мираба гневно вращались и готовы были выскочить из орбит. – В драку лезешь. Словно сам просишь: убей меня.

– Или я полью сегодня свой хлопок, или будет смертоубийство! – крикнул дядя Гадим в гнев.

– Мираб! – сквозь зубы сказал дядя Гадим. – Значит, ты и сегодня воды не дашь?

– Ни капли, – ответил Зульгадар, с ненавистью глядя на дядю Гадима.

– Почему?

– Потому. Я так хочу.

Не устояв перед грозным взглядом дяди Гадима, он отступил на несколько шагов и стал звать помощников:

– А ну, напоите-ка этого Гадима досыта!

Джувары разом набросились на дядю Гадима, схватили его за руки и плашмя бросили в канаву. Затем они влезли в воду и потащили за собой сопротивлявшегося дядю Гадима.

– Как бы не помер!

– Ничего! Пёс сдохнет, а Гадим выдержит! – Зульгадар хихикнул.

И вся компания ушла на пригорок.

Придя в себя, дядя Гадим с трудом поднял вымазанную илом голову и, шлёпая руками по воде, поднялся. В раздувшемся от проглоченной воды животе бурчало; лицо было в глине, но маленькие чёрные глаза горели неугасимым гневом...

– Тукез! – охая, позвал жену дядя Гадим, кое-как добравшись до своего двора. – Умираю, Тукез!

– Что с тобой? Уж не гадина ли проклятая укусила?

Тётка Тукез поставила посуду с надоевшим молоком в сених и подбежала к мужу.

– Поскорее подвесь меня за ноги... Живот полон воды с песком.

– Тебя побили?

– Меня? Какой собачий сын посмеет бить меня?

Тётка Тукез всё поняла. Надо было спасти мужа. Она уложила дядю Гадима в постель, он бормотал:

– Мы же не один на один были!.. Они все сразу на меня накинулись. Но если я не получу воды, сердце у меня лопнет! Хлопок должен вырасти! Пойду к начальству. Пусть скажут, подданный я или не подданный.

– Какое там ещё начальство? Ты что, новые порядки решил заводить? Отца твоего утопили, деда твоего утопили и тебя утопят! Тем и кончится. Когда Аллах создавал крестьянина, то близнецом

Сулейман Рагимов и известный турецкий писатель Назым Хикмет в Баку

его сделал гнёт. Пойдёшь жаловаться – себе же напортишь.

– Нет, жена. Я дойду до самых главных властей. Пусть скажут мне, подданный я или кто?

Дядя Гадим не послушался советов жены, и тётке Тукез пришлось покориться. Дядя Гадим ещё до рассвета пустился в путь.

Он подошёл к полицейскому управлению, когда солнце уже поднималось к зениту.

– Барин! – взмолился он, остановившись у нижней ступеньки крыльца. – Я с жалобой!

– К кому?

– К господину приставу!

– Поехал он ловить разбойников...

Переночевав в соседнем селе, дядя Гадим наутро снова вернулся в город, и первый, кого он встретил на улице, был Мирза Камал бек.

– Здравствуй, барин! – сказал он, сняв папаху и кланяясь.

Мирза Камал бек остановился и, поправив пенсне, спросил:

– Откуда ты?

– Из Чуллу.

– А здесь что делаешь?

– Приехал к начальнику.

– Начальник без прошения не рассмотрит жалобы.

– Хлопок сгорел, коробочки посохли. Я сам всё должен рассказать.

– Нет, мой друг, если не будет прошения, с тобой разговаривать не станут. Сам подумай: если нет покойника, кого отпевать?

– Ну что же, попробую... – пробормотал дядя Гадим.

Мирза Камал бек указал на канцелярию начальника, потом на свой дом и сказал так:

– Ступай туда. Если там дело твое не выгорит, приходи ко мне. Я, слава богу, столько трудился для своих братьев мусульман, что вся борода поседела!

Солнце клонилось уже к закату и застряло на вершине горы. Дверь канцелярии была в мрачной тени. Дядя Гадим остановился около порога и стал озираться. В это время в дверях показался какой-то чиновник и спросил:

– Что у тебя?

– Спасите, барин! Хлопок мой гибнет!..

– А при чём же тут мы?

– Пусть начальник даст воду...

– Что начальник – сельский старшина, что ли? – чиновник расхохотался до слёз.

– А ну! – крикнул он стоявшему у ворот стражнику. – Убери этого медведя! Живо!

Стражник взял дядю Гадима за шиворот, поволок к выходу и, дав ему пинка, вытолкнул на улицу.

Чайную освещала лампа, подвешенная к потолку. Люди сидели у стен и шумно потягивали чай. Волоча ноги, дядя Гадим вошёл в чайную.

– Салам-aleyкум, племянник! – обратился он к хозяину чайной.

– Можно тут у тебя переночевать? Найдётся местечко?

– Найдётся! И тебе, и твоему слуге найдётся!.. А пока попей чайку.

Азербайджанские писатели и поэты с московскими коллегами. Слева направо: Р.Рза, К.Симонов, С.Рагимов, Г.Гасымзаде, Я.Лебединский, М.Ибрагимов

Дядя Гадим, не торопясь, выпил один за другим восемь стаканов.

Через некоторое время люди стали расходиться, а оставшиеся улеглись на поставленных вдоль стен тахтах и заснули.

Утром дядя Гадим вышел из чайной и зашагал к управлению уездного начальника.

– Здравствуйте, господин солдат! – сказал он стоявшему у ворот стражнику, заискивающе улыбаясь и быстро проскользнул во двор.

Канцелярия была уже открыта. Волоча палку, дядя Гадим поднялся на веранду и, низко поклонившись, обвёл всех удивлёнными глазами.

– Я к начальнику с жалобой! – сказал он.

– С какой жалобой?

– С жалобой насчёт воды...

Люди, стоявшие на веранде, с хохотом окружили дядю Гадима.

– Что тут за шум? – сказал вышедший из комнаты чиновник. – Князь сердится.

– Ты что хочешь?

– Воды, барин! Я – подданный и пришёл с жалобой!..

– Дайте дорогу господину подданному! Господин подданный с жалобой пожаловал!

Когда дядя Гадим сделал шаг к двери, его снова окружили.

– Мы и не знали, что новый бек пожаловал!

– Пожалейте, барин! – проговорил он надтреснутым голосом. – Мне воды нужно, барин! Я не сумасшедший. Я Гадим Азим оглу...

Дядя Гадим плюнул со злостью и стал разыскивать контору Мирзы Камал бека. Тело его болело и ныло, идти было трудно.

Дядя Гадим вошёл в контору Мирза Камал бека.

– Что хорошего, приятель? – встретил он дядю Гадима.

– К чёрту дурное, бек!

– Ну, что там случилось!

– То, что ты предсказывал. Моего языка вправду никто не понял.

Мирза Камал бек подошёл к стоящему в углу столу, одной рукой опёрся на него, а другой внушительно погладил свою лысевшую голову:

– Язык мусульманина – прошение. Ведь прошение идёт в канцелярию, к начальнику, а тот записывает его в государственную книгу.

– В государственную книгу? – удивился дядя Гадим.

– А как же, приятель! В государственную книгу. Потом начальник канцелярии кладёт прошение в папку с тиснёными золотыми буквами и несёт к главному начальнику. С мусульманским прошением в руке он склоняется в три погибели... Знаешь ты, как возвеличивается тогда мусульманская нация и её слава! Простение кладут на государ-

ственный стол, а со стены портрет самого государя на него смотрит.

Мирза Камал бек сел, облокотился на стол и подпёр кулаками подбородок.

– Значит, ты такое прошение хочешь написать?

– Да, бек, хочу. Ещё вчера я должен был тебя послушаться...

– В таком случае рассказывай!

Дядя Гадим рассказал подробно всё, что с ним приключилось. Окончив рассказ, он почувствовал вдруг прилив ярости и с дрожью в голосе добавил:

– Самому падишаху напиши, бек! Напиши и спроси: «Я, Гадим Азим оглу, его подданный или нет?» Напиши всё, что я сказал. Напиши, что его законы до нас не доходят.

– Так это же получится целая книга!

– Что с того? Ты мусульманин или нет?

Дядя Гадим сунул руку в карман.

– Я всё понимаю, – сказал он, – Ты живёшь – не пальцы сосёшь. Ты напиши, а я уж отблагодарю!..

– Конечно, напишу. За деньги или без денег – всё равно напишу.

– Нет, почему же без денег? У тебя ни пашни, ни огорода нет. Не грудью же матери в этакое возрасте жить будешь! Я понимаю!

– Ты, приятель, зачем в город пришёл?

– Воды добиваться.

– Так о воде и надо писать.

Мирза Камал бек достал из ящика стола линованную бумагу и взял ручку, написал от имени дяди Гадима прошение на высочайшее имя, но упомянул в нём только о воде. Потом положил его на край стола и, придвинув чернильницу, сказал дяде Гадиму:

– Намажь палец чернилами и приложи сюда.

– Не то, что палец приложить, я голову сложу за это прошение.

И дядя Гадим с силой прижал испачканный в чернилах палец к прошению.

– Обо всём написал... Теперь отнеси и сдай на почту.

Мирза Камал бек протянул дяде Гадиму заклеенный конверт и объяснил, где находится почтовое отделение.

Дядя Гадим взял конверт и, достав из кармана трёхрублёвую бумажку, положил на стол...

Дядя Гадим вошёл в почтовое отделение, обошёл все окошки, спрашивая, кому сдать письмо, и подошёл к указанному чиновнику.

– На имя падишаха, – сказал он, протягивая конверт.

Почтовый чиновник поднял голову и посмотрел на дядю Гадима:

– На имя падишаха?

– Смотри, милый, чтобы письмо не затерялось, чтобы дошло по назначению.

Чиновник записал отправляемое письмо в книгу, выдал дяде Гадиму квитанцию и получил деньги.

– Смотри, если прошение пропадёт, от меня пощады не жди.

Дядя Гадим выйдя из почтового отделения, купил хлеба, положил за пазуху и пустился в обратный путь.

...Помещика разбирала злоба. Его выводило из себя то, что дядя Гадим отправился в город с жалобой, и каждое утро, каждый вечер он нещадно бранил мираба Зульгадара:

– Чтоб добро моё впрок тебе не пошло! Почему ты не прикончил его?

– Ей-богу, барин, мы думали, он помер.

– А как же вы оставили умершего валяться на земле?

– В этом наша оплошность. Надо было зарыть его возле канавы. Клянусь аллахом, Сархан ага, я каюсь в своей ошибке. Пусть только вернётся, мы его живо на тот свет спровадим.

– Это после того, как он прошение подал? Ты хочешь дать приставу Муршид беку возможность отомстить мне за кровь его отца? Хочешь, чтобы в доме у меня поставили батальон солдат?

– Как же нам быть, барин?

– Когда вернётся Гадим, надо доставить его прямёхонько ко мне. Авось он возьмёт прошение обратно, а спустя некоторое время ты отправишь его к праотцам, и всё обойдётся без шума.

План помещика пришёлся Зульгадару по сердцу, он так стал смеяться, что усы его тряслись несколько минут.

И он расставил на дороге людей, чтобы подстеречь дядю Гадима.

Наконец однажды под вечер Зульгадар заметил вдаль на дороге человека, который шёл, прихрамывая. Он поглядел в бинокль и узнал дядю Гадима, подозвал его:

– Эй, Гадим, Сархан ага хочет поговорить с тобой.

– Сейчас не время разговаривать.

– Ты что несёшь? Соберись-ка с умом!

– Нет у меня ума!

– Лучше добром иди!

Уже стемнело, на землю спустился ночной мрак. Услышав голоса, Сархан ага вышел из дому и, пройдя через двор, зашагал по дороге.

– Эй, Зульгадар!

– Поймали, барин!

С.Рагимов и в пожилые годы с юношеским задором скакал верхом на лошади

- Ведите сюда!
- Не идёт!
- А вы приведите. Скажите, что Сархан ага зовёт.
- Эй, Гадим, слышишь?
- Не пойду я!
- Взбесился ты, что ли?
- Кто спятил, тот и взбеситься может. Я безумец!
- закричал дядя Гадим так громко, что вздрогнули не только державшие его слуги, но и стоявший поодаль Сархан ага.
- Я тебя образумлю! – проговорил Сархан ага.
- Заковать велю!
- Для чего цепь, барин?
- Сейчас узнаешь... Скажи, собачий сын, зачем в город ходил?
- Жаловаться.
- Кому?
- Приставу.
- И что же?
- Его не было.
- А потом?
- Пошёл к начальнику,
- А он?
- Ничего.
- Не хочешь говорить?

- Нет.
- Эй, свяжите его! – приказал Сархан ага.
- И слуги, набросившись на дядю Гадима, скрутили его цепью так, что тот не мог двинуть ни руками, ни ногами.
- Что сказал начальник?
- Ничего.
- Бейте!
- Они били дядю Гадима куда попало и кулаками, и ногами, и палкой.
- Барин, помрёт!
- Не помрёт!
- Дядя Гадим лежал без движения.
- Тащите эту падаль! Бросьте у дороги в колючки.
- Слуги сволокли дядю Гадима за ноги со двора и, бросив у дороги, медленно побрели домой.
- Была глубокая ночь. Луна плыла от облака к облаку. Ветер поднимал и крутил дорожную пыль.
- Дядя Гадим зашевелился, и из груди его вырвался жалобный стон. Придя в себя, он стал ползком двигаться по дороге, звеня цепью. Проползши некоторое расстояние, он кое-как поднялся на ноги, снял с себя цепь и, сложив её, взял в руки. Шатаясь, падая и вновь поднимаясь, он добрался наконец до своего дома.
- Гадим, это ты? – окликнула его жена.
- Дядя Гадим ввалился в дом и кинул цепь в угол.
- Что это, Гадим?
- Цепь.
- За сколько купил?
- Даром досталась...
- Тётка Тукез зажгла лампу и осветила комнату. На лице дяди Гадима живого места не было.
- Что с тобой, Гадим?
- Ничего. Постели постель!
- Тётка Тукез быстро постелила постель, раздела мужа, вымыла ему ноги.
- Что с тобой случилось, Гадим?
- Жена, приготовь тесто.
- Для чего тебе тесто?
- Надо приложить к ссадинам... Упал я...
- Тётка Тукез подняла рубаху на спине дяди Гадима. Спина была вся в синяках и рубцах, а местами сильно вздулась.
- Как это ты упал?
- Приложи тесто... и не допытывайся!
- Тётка Тукез развела огонь и повесила котёл. Она замесила тесто на простокваше, согрела его и приложила к спине дяди Гадима.
- «Расскажу – испугается. Подождём, посмотрим, какой ответ придёт от его величества!» – думал он, один переживая своё горе и упорно храня в душе надежду.

Настала зима. Уездный начальник, вскрывавший полученные от губернатора пакеты, вдруг остановился, увидя на запечатанном сургучом конверте адрес: «Старшине селения Чуллу».

– Что бы это могло значить? – спросил он, взглянув на секретаря. – Губернатор – и сельский старшина? Откуда, куда? Что бы это могло быть? Не вскрыть ли?

– Это очень важный пакет, – возразил секретарь. – Я расписался в его получении на особом бланке. Надо срочно отправить участковому приставу.

– Отправить-то надо, – согласился начальник, – но содержание пакета тоже знать необходимо. А вдруг губернатор запрашивает старшину о нашем обращении с населением?

Секретарь совсем оторопел.

– Всё может быть, ваше сиятельство, но ничего не поделаешь!

После всяких проволочек прошение дяди Гадима последовало по ступенькам той самой лестницы, по которой спустили ранее его автора. Через несколько дней оно поднялось по ступенькам другой лестницы, у которой дядя Гадим стоял когда-то, склонив голову набок, и попало в канцелярию пристава.

– Что это? – удивился пристав. – От губернатора?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – ответил письмоводитель. – От господина губернатора, адресовано старшине селения Чуллу.

– Странно! Весьма странно!

Пристав тоже, как до этого уездный начальник, подержал пакет на ладони, затем посмотрел на свет и уставился в сургучную печать губернатора:

– Что там может быть?

– Надо препроводить с нарочным.

– А вдруг это против нас? Как же не узнать, что тут написано?

Письмоводитель пожал плечами и наклонил голову.

– Старшина – свой человек. Недавно мы сами его назначили.

– Ах, тот, усатый?

– Так точно, бывший мираб Зульгадар теперь стал старшиной Зульгадаром.

– Этот мираб Сархан аги?

– Так точно.

– Не мы его назначили, ему помогла дружба Сархан аги с уездным начальником.

– Как бы там ни было, ваше высокоблагородие, Зульгадара можно считать нашим верным псом.

– Я сомневаюсь в этом. А вдруг тут что-нибудь злокозненное, и начальник отправил клязу под видом губернаторского пакета?

Письмоводитель осмотрел печать и бланк на пакете.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, это подлинная печать и штамп губернаторской канцелярии.

– И подумать только, какой персоной стал этот сукин сын сельский старшина, если сам губернатор ему пакеты посылает? – не мог успокоиться пристав. – Будьте повнимательнее к таким делам. А сейчас вызовите урядника, пусть отправит нарочного.

Письмоводитель вызвал урядника и сдал ему под расписку пакет с прошением дяди Гадима. Урядник вызвал своего помощника и сдал ему пакет под расписку. Тот, в свою очередь, вызвал стражника и передал ему пакет, заставив пыхтеть над распиской.

– Это весьма спешное! – предупредил он стражника. – Лети птицей!

– Ваше благородие, – возразил стражник. – Чуллу – дальнее селение.

– Доставишь на первый пост и распорядишься, чтобы пакет срочно шёл дальше...

Мираб Зульгадар, надевший на шею цепь с бляхой сельского старшины, от самодовольства совсем лишился сна. Дома он начищал цепь и бляху до блеска и до ушей закручивал смазанные салом усы.

Когда к нему обращались, называя его старшиной, он надувался, точно опившийся буйвол.

В утренний, но уже не ранний час Зульгадар сидел в канцелярии и, выпятив живот, на котором сияла бляха, разбирал жалобы. В камине трещал огонь.

Писарь старшины, сложив руки на поясе, стоял в сторонке. «Что прикажешь, старшина? Чего изволишь, старшина?» – только так обращался писарь к Зульгадару.

Внезапно толпившиеся в канцелярии жалобщики насторожились. С улицы донёсся стремительный конский галоп.

Стражник на всём скаку осадил лошадь у дверей канцелярии, спрыгнул на землю и как вихрь влетел в комнату.

– Расписывайся и укажи время получения! – выпалил он, протягивая старшине пакет.

Зульгадар, испуганный внезапным появлением стражника, повернулся к писарю.

– Подойди ближе! В чём дело?

– Что-то очень важное...

Писарь взял у стражника пакет и расписался в его получении, указав время получения.

– Кому это?

С.Рагимов в родном селе Айин

Писарь прочёл на пакете:

– «Старшине селения Чуллу».

– От кого?

Когда писарь прочитал штамп губернаторской канцелярии, глаза у него полезли на лоб, язык прилип к нёбу.

– От пристава?

Писарь замотал головой.

– Но от кого же?

– От губернатора! – едва мог выговорить писарь.

Зульгадар шикнул на растерянно толпившихся жалобщиков и, выставив их из канцелярии, поставил у дверей вестового.

– Распечатай! – приказал он писарю.

– Сам распечатай.

– Распечатай, распечатай! Прочти, что там написано.

– Нет, сам распечатывай.

Зульгадар взял пакет. Писарь, вытянув шею, наставлял:

– Перережь ножом ниточку, сними сургуч.

Старшина Зульгадар обратился к стражнику, который грелся у камина:

– Скажи, мы можем открыть пакет?

– Открывайте, не бойтесь! – сказал более опытный в этих делах стражник, потирая оковеневшие руки.

Писарь безучастно стоял в стороне. Зульгадар, провозившись немного, открыл пакет и вынул из него прошение дяди Гадима.

– А прочитать можно? – язвительно спросил он писаря.

Писарь взял прошение и, пробежав его глазами, изменился в лице.

– Жалоба.

Старшина Зульгадар плюхнулся на стул.

– От кого? Кому?

– От Гадима Азим оглу... Самому падишаху...

Зульгадар стремительно вскочил:

– Что он пишет?

– Пишет, что хлопок его горит, и просит дать ему воду.

– Больше ничего не пишет?

– Нет.

– О том, что его в канаву бросили, не пишет?

– Нет, только о воде просит.

Писарь запнулся и стал вглядываться в косую строчку в углу прошения.

– «Подданному нужна вода!» – наконец громко прочитал он.

– Это мне падишах пишет?

– Кто разберёт? Подпись неясная.., Но вот... от губернатора...

И писарь громко прочитал предписание губернатора и перевёл старшине.

– Значит, дать воду для хлопка Гадиму?

– Так пишет. Пишет, чтобы исполнили и составили на месте рапорт.

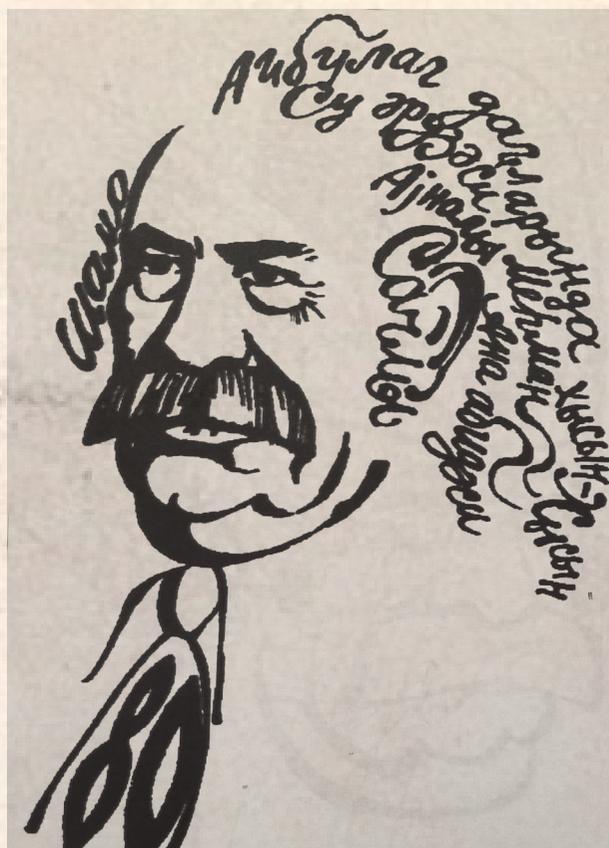
– Что же теперь нам делать?

– Исполнить предписание! – твёрдо сказал писарь.

– Зимой?
– Зимой или летом – всё равно. Приказ есть приказ.
– Но ведь...
– Против такого предписания я, писарь, вот такой маленький, совсем крошка. – И, наклонившись, он простёр ладонь на несколько вершков над полом. – Моё дело – прочитать и написать, написать и прочитать.
– А может быть, стражник будет с нами?
– Я своё дело сделал, – отозвался стражник.
– Исполните предписание и составьте рапорт: только поскорее, я должен вернуться.
– Что же нам написать?
– Не написать, старшина, а исполнить предписание.
– А потом ничего?.. Вдруг насчёт зимы и прочего жалоба или что... не будет?
– Будет или не будет, ты должен исполнить предписание.
– Ладно! – согласился Зульгадар и крикнул вестового. – Мы отправляемся сейчас на большую равнину, – сказал он ему. – Сходи за Гадимом и приведи его туда.
– Слушаюсь, – ответил вестовой и вышел.
Стражник остался у камина, а Зульгадар с писарем и вторым вестовым направился к полю...
– Тогда его самого напоили, а теперь будем поить его участок, хи-хи-хи!.. Вот это дело!..
Писарь посмотрел прищуренными глазами на подходявшего дядю Гадима и заметил:
– Похоже, что бедняга после тяжёлой болезни поднялся.
– Да, после одного происшествия он долго пролежал в постели.
Дядя Гадим подошёл и в упор посмотрел в глаза Зульгадару. Писарь вынул прошение и протянул его дяде Гадиму:
– Это твоё прошение?
Дядя Гадим вытянул шею и присмотрелся:
– Да, бумага была такая, с линейками.
– Кому ты писал?
– Падишаху.
– О чём просил?
– О воде.
Писарь с усмешкой скривил рот, обнажив гнилые зубы.
– Получен ответ.
– На моё прошение? От падишаха?.. От самого повелителя?! Что же он пишет?
– Пишет, что подданному надо дать воды.
– В какое время?
– О времени не пишет.

– Что же теперь вам надо?
– Хотим исполнить предписание.
Дядя Гадим подошёл к старшине и впился глазами в его глаза.
– Ты что затеял, старшина?
– Надо исполнить предписание. Там стражник ожидает. Я не могу из-за тебя лишиться цепи и бляхи.
– Зачем ты преследуешь меня?
– Я не преследую.
– Тогда что ты от меня хочешь?
– Я ничего не хочу... Это ты хочешь воды!
– Нет, ты, что от меня хочешь?
– Тогда я был мирабом, воде служил, теперь я старшина и служу государю.
– Теперь что думаешь делать?
– Полить землю.
Дядя Гадим плюнул на ладонь и выдернул лопату из земли.
– Назло тебе я полью землю... даже зимой.
– Мне этого только и надо. Старшине что надо? Исполнить предписание!..
Дядя Гадим замотал головой:
– Экой ты, право, человек!
– Нечего долго разговаривать, – прикрикнул на него вестовой. – Мороз прямо режет. И нечего тут в поле спорить со старшиной. Ты просил воду, вот тебе и вода. Летом не дали, дают зимой. При чём же тут старшина? Не исполнит предписания – завтра подашь новую жалобу.
– Мы исполнители приказа! – подтвердил писарь.
Дядя Гадим после продолжительной болезни только что поднялся с постели. Он был похож на скелет, обтянутый тонкой кожей. Но, несмотря ни на что, он раскопал край затянутой льдом канавы и направил воду на свой участок. Вода потекла по снегу.
Дядя Гадим, опершись на лопату, долго смотрел на растекающуюся воду. Затем повернулся к старшине Зульгадару и сказал:
– Теперь можешь идти.
– Нет, земля должна напиться воды.
– Таково предписание, – подтвердил писарь, – Здесь же надо составить рапорт.
Дядя Гадим снова взялся за лопату и стал рыть канавки, открывая доступ воде во все стороны своего поля.
Старшина Зульгадар опять послал вестового за сучьями. Снова разгорелся огонь. Солнце зашло за облако, лишив дядю Гадима последнего тепла. Ноги дяди Гадима мёрзли, но он не шёл к костру Зульгадара.

Дружеские шаржи на Сулеймана Рагимова

Солнце, завершая свой дневной путь, дошло до вершины горы. Старшина Зульгадар велел писарю составить рапорт, под которым потом поставил свою печать.

Начальство вернулось в село.

Дядя Гадим, ещё немного повозившись на участке, пришёл, дрожа от холода, домой и бросил лопату в угол в сених, где была сложена цепь. Железо, ударившись о железо, звякнуло.

Дядя Гадим подозревал тётку Тукез:

- Прощение о воде наконец-то вернулось.
- И что же?
- Пустил воду на участок.
- Ты что, с ума сошёл?
- С ума сошёл или нет, думай, как хочешь....
- А что это с тобой творится?
- Ничего. Умираю.

Дядя Гадим подсел к очагу, но согреться не мог.

У дяди Гадима началось воспаление лёгких. Ему делалось всё хуже и хуже. Трое суток пролежал он, не приходя в сознание.

Не помогали ни заправленные кислой алычой супы тётки Тукез, ни банки, которые она ему ставила.

И вот в полночь дяде Гадиму стало совсем плохо. Вперив глаза в горевшую у изголовья лампу, он бормотал:

– Тукез!.. Эй, Тукез!.. Сходи к писцу... пусть напишет... падишаху..,

– Что напишет, Гадим?

– Пусть напишет... Азим оглу... язык мусульманина... пусть пишет... зимой..

– Ну что, Гадим?

Дядя Гадим стал задыхаться.

– Пусть всё напишет...– вырвалось у него со стоном, и он замолк.

Дядя Гадим хотел поднять руку, но не мог. Он пристально смотрел на тётку Тукез, которая сидела, облокотившись о колени, и не отрывала от него взгляда.

Вдруг она вскочила, выбежала из дому и завопила?

– Ой, соседи! Ой, милые!..

Сбежались соседи, родственники.

Дядя Гадим не дышал. Его глаза были устремлены в одну точку: может быть, и перед смертью ему виделось прошение о воде с небрежной надписью в левом углу.

Перевод Азиза Шарифа